

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ МОДЕРНИСТСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В современной лингвистике языковые явления рассматриваются в неразрывной связи с мышлением, сознанием, культурой, мировоззрением как отдельного индивида, так и речевого коллектива, к которому он принадлежит. На рубеже XIX-XX веков русская литература переживала расцвет, сравнимый по яркости и многообразию талантов с блистательным началом XIX века. Свойственная эпохе неразделимая связь творчества и личной судьбы выразилась во множестве художественных шедевров. Этот период русской литературы принято называть «серебряным веком». Словосочетание «серебряный век» – устойчивая метафора, возникшая в кругах русских писателей-эмигрантов по аналогии с «золотым веком» (пушкинским веком). Более приемлемым, на наш взгляд, является признание поэзии «серебряного века» эстетическим феноменом, который ознаменован рождением новой эстетики. В этом отношении значительное место занимают вопросы новаторства. Именно этим и обусловлена **актуальность** данного исследования.

Цель исследования заключается в том, чтобы на основе лексико-семантического, стилистического и концептуального анализов определить основные принципы структурирования русской поэтической речи «серебряного века».

Для достижения поставленной цели считаем необходимым решить следующие задачи:

- раскрыть конструктивный характер поэтической речи;
- изучить теоретические аспекты проблемы в отечественном и зарубежном языкознании;
- определить эстетические особенности русской поэтической речи «серебряного века».

Объектом исследования является поэтическая речь начала XX в., а его

предметом – эстетические особенности русской поэтической речи «серебряного века».

Материал исследования – стихотворения русских поэтов периода «серебряного века».

Одной из проблемных областей современной филологии является вопрос о поэтическом мирозерцании, образном отображении действительности в стихотворной форме. Ю. М. Лотман писал, что, приступая к изучению поэзии, «приходится заранее примириться с мыслью, что многие существенные проблемы все еще находятся за пределами возможностей современной науки, более того, решение их за последнее время отодвинулось: то, что еще недавно казалось ясным и очевидным, представляется современному ученому непонятным и загадочным» [6, с. 3]. Слова ученого отражают реальное положение вещей в филологических науках.

Совершенно очевидно, что поэтическая речь остается объектом повышенного интереса филологов. Вместе с тем для прояснения «загадочного» в поэтическом тексте представляется недостаточным привлечение одних только филологических дисциплин: лингвистики, литературоведения, сложившейся в середине XX века лингвистической поэтики. К исследованию поэтической речи привлекаются данные психологии, истории, культурологии, этнологии. Современные тенденции сознательного сохранения традиций материальной и духовной культуры делают актуальным лингвокультурологическое и этнолингвистическое направления в исследовании поэзии.

Рубеж XIX – начала XX веков – чрезвычайно плодотворный период в развитии русской культуры и русской художественной речи. Атмосфера и дух времени – великие научные открытия, социальные потрясения всемирно-исторического значения, интенсификация исторического процесса – отражаются в образной структуре художественных произведений, в языке искусства. Для литературы начала века характерны напряженные поиски

нового художественного воззрения, насыщенность и интенсивность процессов литературного обновления, стремительная смена литературных направлений.

Особенно динамично в это время развивается поэзия. Появляется множество различных направлений и стилей, сменяющих друг друга и сосуществующих: символизм, акмеизм, футуризм, имажинизм и др. Отсюда – различные воплощения общих для поэзии начала XX века процессов: отношение к тропам (метафоричность и повышенная ассоциативность у символистов и авангардистов, ориентация на слово в прямом значении у акмеистов), творческое преобразование приемов других видов искусств (музыка и математика в символизме, зримый образ мира, живопись в футуризме, существующие тексты на естественном языке как язык культуры в акмеизме).

Развитие поэтической речи начала XX века в целом идет под знаком решительного обновления форм, творческих экспериментов и новаций. В то же время поиски путей преобразования мира возвращают писателей к вечным истинам, вечным истокам, мифу, фольклору, религии, где они ищут ответы на вопросы современности [4, с. 44]. Взаимодействие традиции и новаторства в указанный период развития поэтической речи имеет напряженный характер, поскольку обе грани получают максимальное выражение. Наблюдается, с одной стороны, стремление авторов базироваться в своем творчестве на классических традициях, перенимать наработанное в истории культуры, восстанавливать классические формы, с другой стороны, – стремление выделиться, обособиться, разработать свой особый язык искусства, найти новые средства воздействия. Так, для поэтической речи начала XX века характерны полярные явления: мышление традиционными поэтическими формулами и резкое отталкивание от традиции, стремление к новому.

Напряженный характер взаимодействия традиции и новаторства в начале XX века делает этот период развития поэтической речи интересным

материалом для лингвокультурологических исследований. Отношение «традиция – новаторство» изучается в работах исследователей, интересующихся традиционными средствами поэтического языка. Исследуются устойчивые элементы поэтической традиции: фразеологизмы, реминисценции, цитаты, устойчивые метрические структуры, устойчивые образы, традиционные сочетания слов.

В вопросах эволюции поэтической речи исследователей в большей степени интересует проявление новаторства в поэзии как созидательный фактор преемственности традиции. В сфере интересов современной филологии – ключевое понятие идиостиля, через которое раскрывается многообразие проявлений общих тенденций в развитии поэтической речи, дается описание целевой установки поэта в его поисках средств образного выражения. Внимание исследователей привлекает язык поэзии отдельных авторов.

Закономерным явлением в эволюции выразительных возможностей русского поэтического слова, заслугой ранних символистов было введение в русскую поэзию XX в. образной темы звука и музыкальных образов. Символисты были внимательны к трудам А. Потебни, учившего за стершейся внешней формой слова видеть внутреннюю форму слова, изначально художественно-образную. Каждый звук русской речи начинал ощущаться „естественно значимым“. В новой поэзии слова приобретали новые значения, порождаемые контекстом и, как правило, более расплывчатые и более окказиональные, применимые только для данного случая. Так или иначе, значительное внимание в этот период уделялось звуковой символике.

Психологическая основа этих теорий была одна и та же: группа слов (обычно своего родного языка), насыщенная тем или иным звуком (или начинающаяся с этого звука), окрашивала этот звук своими значениями; так, из слов „*чаша, череп, чан, чулок...*“ В. Хлебников выводил, что звук Ч означает „оболочку“, а из слов „*хата, хижина, халуна, хутор, храм,*

хранилище“ – что звук Х означает „ограду“. Этимология такого рода для звука Л дала В. Хлебникову материал для целого стихотворения „Слово о Эль“.

Первым следствием такого внимания к звуковому составу слова было усиление заботы о благозвучии, об евфонии, о звуковых повторах в слове. Слова стали подбираться друг к другу не только по смыслу, но и по звуку. Таковы были ранние стихи К. Бальмонта: *„Вечер. Взморье. Вздохи ветра./ Величавый возглас волн./ Близко буря, в берег бьется / Чуждый чарам черный челн“*; так в 1917 г. Белый писал: *„Я вижу молнии из мглы/ И морок мраморного грома...“*, хотя эпитет „мраморный“ семантически бессмыслен, но фонетически исключительно выразителен.

В стихотворениях А. Блока аллитерованные ж, з, имеющие источником звуковой комплекс „желтый – желтизна“ и родственные ему, способствуют передаче трагизма или драматизма ситуации: *В черных сучьях дерев обнаженных/ Желтый зимний закат за окном./ (К эшафоту на казнь осужденных/ Поведут на закате таком.)* (Блок). В стихотворении „Унижение“ желтый звучит в той же трагической тональности в композиционном и тематическом повторе; пронзительные ж, з дополняются свистящими и шипящими: *В желтом, зимнем огромном закате/ Утонула (так пышно!) кровать.../ Еще тесно дышать от объятий,/ Но ты свищешь опять и опять...* (Блок).

Неодолимая сила смыслового, звукового и зрительного подобия притягивает к желтому слова, родственные по исходной основе. Возле желтого оказываются *пожар, сожжено, жги, обжигаеть*. Звуковая гамма желтого вбирает и массу других слов, преимущественно с негативным (в контексте) смысловым наполнением, например, в стихотворении „В эти желтые дни меж домами...“: *меж, обжигаеть глазами, пожаром, ложь, зимние, может, безумный, уничтожит, разящий, взор, кинжал*. Ж, з, пронизывают все произведение.

Простейшее средство выделения слова – простое повторение: от

простейших *„Пусть за стеною, в дымке блеклой,/ Сухой, сухой, сухой мороз...“* (Белый), *„Но не хочу, не хочу, не хочу / Знать, как целуют другую...“* (Ахматова) – до более изысканных: *„Зачем уйти неволен,/ О тихий Амстердам,/ К твоим церковным звонам,/ К твоим, как бы усталым,/ К твоим, как бы затонам...“* (Бальмонт). В стихотворении Андрея Белого в каждом двустишии повторяется центральный образ, а синтаксис связывает их между собой: *„И ночи темь. Как ночи темь вошла,/ Так ночи темь свой кубок пролила, –/ Свой кубок, кубок кружевном златым,/ Свой кубок, звезды сеющий как дым,/ Как млечный дым, как млечный дымный путь,/ Как вечный путь: звала к себе – прильнуть...“*. Звукосимволика этих строк основана на фольклорных традициях русской поэтической речи, для которой характерен повтор, различного рода стилистические эффекты и в области вокализма, и в области консонантизма.

Этнотворческий характер носят звуковые эксперименты В. Хлебников, который, на первый взгляд, произвольно перечленив состав слова, получил новые словообразовательные элементы: *„И я свирел в свою свирель,/ И мир хотел в свою хотель...“*, *„времышши-камыши“*, *„нравда“*, *„дгавда“*, *„волезнь“*, *„делебен“*, *„могатырь“*, *„творяне“*, *„будрецы“* и пр. Результатом такого внимания к звуковому составу слова было усиление заботы о благозвучии, об евфонии, о звуковых повторах в слове. Слова стали подбираться друг к другу не только по смыслу, но и по звуку (в современной науке это называется „притяжением по звуковому подобию“ – „паронимической аттракцией“)

Таким образом, русская поэзия „серебряного века“ интересна прежде всего стремлением создать новый поэтический язык. Русские модернисты настаивали на том, что точных слов для передачи новых душевных состояний не существует, поэтому поэзия точных слов, характерная для русской поэзии „золотого века“, должна уступить место поэзии намеков. В новой поэзии слова приобретали новые значения, порождаемые контекстом и, как правило, более расплывчатые и более окказиональные, значительное

внимание в этот период уделялось средствам звуковой символики. Вся поэтика модернизма „серебряного века“ оказывается семантически и эстетически значимой, однако рассчитана на активное соучастие читателя: искусство чтения становится не менее важным, чем искусство писания. Особую роль при «озвучивании» мира играет ритмика и фоника стиха – интонационная плавность и народная напевность, лирическая музыкальность и душевная мягкость.

Использованная литература

1. Барковская Н. В. Поэзия «серебряного века»: учеб. пособие 3-е изд., доп. / Н. В. Барковская. – Екатеринбург: УрГПУ, 2010. – 194 с.
2. Белый А. Проблемы культуры / А. Белый // Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – 528 с.
3. Блок А. А. Очерки. Статьи. Речи. 1905-1921 / А. А. Блок // Собр. соч.: в 6 т. / сост. Вл. Орлов; прим. Б. Аверина. – М.: Худ. лит. 1982. Т. 4. – 464 с.
4. Гусарова А. Л. Мир искусства / А. Л. Гусарова. – Л.: Художник РСФСР, 1972. – 100 с., ил.
5. Иванов В. Статьи о русской литературе / В. Иванов // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. II. – М.: Яз. рус. культуры, 2000. – 879 с.
6. Лотман Ю. М. Структура художественного текста: Семиотические исследования по теории искусства / Ю. М. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 327 с.
7. Минц З. Г. Блок и русский символизм / З. Г. Минц // Избранные труды: в 3 кн. – СПб. Искусство, 1999. т 1. – 727 с.
8. Потебня А. А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. – М.: Искусство, 1976. – 614 с.
9. Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. Статьи / Ю. Тынянов

– М.: Сов. писатель, 1965. – 301с.

10. Уилрайт Ф. Метафора и реальность // Ф. Уилрайт / Теория метафоры. – Прогресс, 1990. – С.97-115.

11. Уфимцева А. А. Лексическое значение: Принципы семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева. – М.: Наука, 1986. – 237 с.

12. Флоренский П. Имена // П. Флоренский / Опыты: Литературно-философский ежегодник.– М.: Наука, 1990. – С.351-413.

13. Флоренский П. А. Троице-Сергиева Лавра и Россия // П. А. Флоренский / Оправдание космоса. – СПб., 1994. – 438 с.

14. Франко І. Я. Із секретів поетичної творчості // І. Я. Франко / Краса і секрети творчості. – К.: Мистецтво, 1980. – С. 340-429.

15. Шанский Н. М. Лингвистический анализ художественного текста / Н. М. Шанский. – Л.: Просвещение. Ленинградское отделение, 1990. – 415 с.